

Вступления к малоазийским оракулам по астрагалам об особенностях этого вида мантического искусства

Елена В. Приходько

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, aristonica@list.ru*

Аннотация. 21 надпись из пограничных областей юго-западной Малой Азии – Писидии, Памфилии, Фригии, Ликии и Киликии – демонстрирует нам текст оракулов по пяти или семи астрагалам. Датируются эти надписи II – началом III в. н. э. В античной литературе нет никаких свидетельств об этом виде прорицания. Автор ставит перед собой задачу определить место астрагальных оракулов в системе мантического искусства и для этого проводит анализ вступлений, сохранившихся у 8 надписей. Этот анализ позволяет прийти к следующим выводам. По верованиям жителей этого региона, высокая прямоугольная колонна с вырезанным на ней текстом оракула по пяти астрагалам и с венчающей ее статуей Гермеса была прорицалищем под открытым небом. Возле этой колонны незримо обитал оракул (*μαντεῖον*), то есть вещей дух места, который контролировал падение брошенных астрагалов. Поэтому механизм получения откровений в этих святилищах считался, по сути, таким же, как и в прославленных прорицалищах, например, в Дельфах. Покровителем астрагальных оракулов почитался Гермес. Но Гермес выступал здесь не как независимое божество, а как исполнитель воли Аполлона, отдавшего ему под контроль мантику по жребиям. Астрагальные оракулы продолжили традицию создания маленьких прорицалищ под открытым небом, известную нам и по святилищам в материковой Греции.

Ключевые слова: мантика, астрагал, оракул по пяти/семи астрагалам, Аполлон, Гермес, *μαντεῖον*, Писидия, Памфилия, Ликия, Киликия

Для цитирования: Приходько Е.В. Вступления к малоазийским оракулам по астрагалам об особенностях этого вида мантического искусства // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. Ч. 2. С. 246–256. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-246-256

Prologues to the dice oracles of Asia Minor about the features of this type of mantic art

Elena V. Prikhodko

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
aristonica@list.ru*

Abstract. 21 inscriptions from the border regions of southwestern Asia Minor – Pisidia, Pamphylia, Phrygia, Lycia and Cilicia – show us the texts of the dice oracles. The inscriptions are dated to the 2nd – beginning the 3rd century AD. There is no evidence of this type of divination in ancient literature. The author aims to determine the place of astragalus oracles in the system of mantic art, and for that she analyzes the prologues preserved in 8 inscriptions. The analysis leads to the following conclusions. According to the beliefs of the inhabitants of that region, a tall rectangular column with the text of dice oracle carved on it and with the statue of Hermes crowning it was considered to be an open-air divination sanctuary. An oracle (μαντεῖον), believed to be the prophetic spirit of the place, which controlled the fall of the rolled astragalus, invisibly lived near that column. Therefore, the mechanism of getting responses in those sanctuaries was considered essentially the same as in the famous sanctuaries, for example, in Delphi. Hermes was the patron of the dice oracles. But here he functioned not as an autonomous deity, but as the executor of Apollo's will, who gave him control over the divination by lot. The dice oracles of Asia Minor followed the tradition of establishing small open-air sanctuaries, known in mainland Greece.

Keywords: ancient Greek divination, astragalus, dice oracle, Apollo, Hermes, μαντεῖον, Pisidia, Pamphylia, Lycia, Cilicia

For citation: Prikhodko, E.V. (2020), "Prologues to the dice oracles of Asia Minor about the features of this type of mantic art", RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series, no. 10, part 2, pp. 246–256, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-246-256

Введение

Древние эллины всегда относились к искусству прорицания как к одному из ремесел и даже называли его по тому же принципу: было ἡ κεραμική τέχνη «гончарное искусство» или ἡ ναυτική τέχνη «искусство мореплавания» и было ἡ μαντική τέχνη «искусство прорицания», или мантика. Уже в поэмах Гомера пророки-мантисы активно участвовали в описываемых событиях, и в дальнейшем ситуации, связанные с прорицанием, излагались многими древнегреческими писателями и поэтами. Мантика имела разные направления и создала свою систему терминов. Например, эллины

различали пророков по типу их дарования и по виду высказываний и, соответственно, обозначали их разными словами: μάντις – «ведун», пророк, получавший откровения от бога и открывавший людям события их ближайшего будущего, πρόμαντις – жрец прорицалища, получавший божественные откровения при посредничестве оракула, χρησμολόγος – пророк, предсказывавший события очень далекого будущего без конкретизации времени, когда они должны исполниться и т. д. Основную информацию о традиционных направлениях мантического искусства можно почерпнуть из произведений античной литературы.

Однако в последние два столетия благодаря изысканиям на землях юго-западной Малой Азии в научный обиход была введена небольшая группа надписей, демонстрирующая существование еще одного вида мантики, о котором молчат все античные авторы. Эти надписи получили название «оракулы по пяти (или семи) астрагалам», и, кроме самого текста этих надписей, никакого другого материала для определения места этого вида прорицания в системе мантического искусства в нашем распоряжении нет.

Надписи с оракулами по астрагалам

Оракул по пяти астрагалам – это собрание из 56 заранее составленных прорицаний, которые не предсказывали будущего, а давали общий совет о правильной тактике поведения, благодаря чему могли быть применимы к разным жизненным проблемам. Для выбора нужного прорицания проситель совершал бросок пяти астрагалов. Астрагал – это кость из лодыжки животного с раздвоенными копытами (козы, овцы или теленка). С глубокой древности многие народы использовали эти кости для гаданий и для игр. Астрагалы имеют форму, отдаленно напоминающую параллелепипед, и поэтому при броске они могут упасть только на одну из четырех сторон – две противоположные боковые стороны слишком малы и закруглены. Каждая сторона астрагалов отличается свойственным только ей рисунком, в результате чего даже без дополнительных знаков за сторонами астрагалов были закреплены постоянные числовые значения: 1, 3, 4 и 6. Распределяются числа по тому же принципу, что и у кубика: сумма противоположных сторон должна равняться 7, – и именно по этой причине у астрагалов нет значений 2 и 5.

Если одновременно бросать пять астрагалов, то может получиться 56 различных комбинаций, что и определило количество прорицаний у оракула по пяти астрагалам. Каждое прорицание состоит из трех гекзаметрических стихов, но перед самими стихами располагалось

еще две строки, необходимые для закрепления связи каждого прорицания с указывавшей на него комбинацией астрагалов. В результате для каждого броска создавалась строфа из пяти строк: в первой строке слева перечислялись цифровые значения выпавших астрагалов, в центре указывалась их сумма и справа стояло имя божества, которому был посвящен этот бросок; вторая строка снова описывала выпавшие астрагалы, только на сей раз уже словами и в гекзаметре; и только затем шли три строки самого прорицания. 56 строф по 5 строк в каждой приводят к созданию надписи из 280 строк, что для эпиграфического памятника было очень большим объемом.

Скопированные надписи были вырезаны преимущественно на высоких (под 2 м) прямоугольных колоннах, и, судя по отдельным находкам *in situ*, такие колонны выставлялись в центре города, причем часто на агоре, поскольку за советом к оракулу по пяти астрагалам обращались в первую очередь по коммерческим вопросам. В общей сложности на данный момент известно о существовании 18 таких оракулов: 17 надписей были собраны вместе в труде Й. Нолле [Nollé 2007, S. 31–103, 192–211] (правда, он рассматривал как два разных оракула фрагменты колонн из Йарыкёй и Такин, которые на самом деле оказались верхней и нижней частью одной оракульной колонны из Такин [Приходько 2014, с. 88–91]) и фрагмент еще одной надписи был совсем недавно опубликован Б. Иplikçioğlu [İplikçioğlu 2021, S. 21–22]. Ввиду огромного размера оракульных колонн лишь немногие из них сохранились до наших дней целиком. Некоторые были встроены в турецкие дома и, частично скопированные в XIX в., сейчас утрачены. От некоторых были обнаружены лишь незначительные фрагменты. Текст большинства оракулов восходит к общему первоисточнику, что оказывает существенную помощь при реконструкции испорченных строк. Датируются все эти надписи II – началом III в. н. э. и происходят из пограничных областей Малой Азии: Писидии, Фригии, Памфилии, Кабалиды, восточной Ликии и западной Киликии.

Существовали также и оракулы по семи астрагалам. Такие надписи должны были состоять из 120 строф и, соответственно, 600 строк. Но ни одна подобная надпись полностью не сохранилась. Нолле представил в своей работе фрагменты лишь трех таких оракулов [Nollé 2007, S. 211–221].

Приведем для примера две строфы оракула по пяти астрагалам из писидийского города Адады: 2-я строфа, посвященная Афине Арее, одобряет планы просителя, а 10-я строфа, посвященная Тюхе Кормчей, напротив, советуем подождать¹.

---

¹ Все переводы, представленные в статье, принадлежат автору.

11113	7	Афины Арей
Вместе явились четыре хиосца, а пятою тройка: Зла и вражды избежав, ты однажды достигнешь награды. Всем, как дойдешь, одарит совоокая дева Афина, Так что по сердцу тебе будет дело, к какому стремишься.		

11163	12	Гюхе Кормчей
Три выпадают хиосца, шестерка и пятою тройка: Не торопись, ведь отправиться в путь – не ко благу, но выжди. Если в усердье пустом поспешишь, навредишь себе сильно. Жди, пока нужное время придет, и во всем преуспеешь.		

По содержанию изречений оракула по пяти астрагалам достаточно проблематично сделать какие-либо серьезные выводы о месте этого вида прорицания в системе всего мантического искусства. На первый взгляд, вполне можно было бы допустить, что мы имеем здесь дело с обычным бытовым гаданием, то есть, если пользоваться терминологией Цицерона, с «искусственной дивинацией» (Div. I 33, 72). Однако сами эллины могли оценивать этот вид мантики совершенно по-другому, тем более что и Цицерон упоминает о двойственной природе жребиев (Div. I 18, 34). А тогда единственным свидетельством о собственно античном взгляде на разбираемую проблему оказываются небольшие вступления, предшествующие тексту оракула на нескольких памятниках. То, что такие вступления есть далеко не у каждой надписи, говорит о том, что они не являлись обязательным элементом оформления оракульной колонны и были добавлены создателями этих колонн по их собственному почину, а значит, были составлены произвольно, не следовали каким-либо ограничивающим формулам и вполне могут раскрыть нам представления населения малоазийских городов II в. об этом виде мантического искусства.

*«Гермесов оракул по астрагалам»
под руководством Аполлона*

Вступления очень разной степени сохранности предваряют текст восьми оракулов. Эти надписи были обнаружены в Тириее, Кинатаврах, Кремне, Сагалассе, Термессе (две надписи), Перге и Антиохее-у-Крага. Создание колонны с оракулом по пяти астрагалам требовало немалых финансовых затрат. Поэтому посвятить божеству и подарить городу такую колонну мог позволить себе

только весьма состоятельный гражданин. И, конечно же, как это и было принято при приношении посвячительного дара, даритель стремился увековечить перед богом свое имя. Так поступил житель псидийского города Термесса, поставивший недалеко от театра оракульную колонну вот с таким вступлением: «Тбемес, сын Троконда, внук Фоанта, при пробуле Молесе втором, внуке Ясона, окончив служение агораномом, воздвиг» [Nollé 2007, S. 78]. Из этой надписи, кроме имени создателя и его должности, побудившей его, вероятно, к воздвижению оракульной колонны, никакой другой информации получить не удастся.

В псидийском городе Кремне вступление на оракульной колонне было написано на латинском языке: «По поручению Луция Фабриция Лонга его жена Вибия Тация и его дочь и наследница Фабриция Луцилла посвятили Меркурия» [Nollé 2007, S. 70]. О посвящении Меркурия, или, как его называли грекоязычные жители, Гермеса говорится также и во вступлении к надписи из Китанавр, города, расположенного на ликийско-псидийском пограничье. Приведем ее сначала без реконструкции: «...Гермеса. Гермей, сын Эпи[...], на собственные средства посвятил и Гермеса, и то, что с ним связано» [Nollé 2007, S. 86]. В обеих надписях речь идет о воздвижении статуи Гермеса, и если учесть, что посвячительная надпись была вырезана на колонне с текстом оракула, то становится очевидным, что эта колонна одновременно служила и постаментом для статуи.

Однако какое отношение мог иметь Гермес к астрагальным оракулам? Почему в обоих городах его статую установили именно на колонне с вырезанным на ней текстом оракула? Обратим также внимание и на то, что во вступлении к надписи из Китанавр имя Гермеса встречается дважды, и первый раз оно стоит еще до имени дарителя и выглядит как концовка заглавия, начало которого утрачено. Реконструировать это утраченное начало помогает надпись из памфилийского города Перги. В этом городе от оракульной колонны сохранился лишь обломанный верхний профиль. Вырезанное на нем более крупными буквами, нежели остальная надпись, заглавие гласит: Ἑρμοῦ ἀστραγαλομαντ[εῖον] – «Гермесов оракул по астрагалам» [Nollé 2007, p. 94]. Скорее всего, такое же заглавие было вырезано и на колонне из Китанавр, только слова в нем шли в другой последовательности: [ἀστραγαλομαντεῖον] Ἑρμοῦ. Научное значение этого заглавия сложно переоценить. Оно дает нам возможность сразу установить два основополагающих представления, определявших место астрагальных оракулов в структуре всего мантического искусства: механизм получения откровений и божество-покровителя.

Вторым компонентом композита ἀστραγαλομαντεῖον является слово μαντεῖον. Это слово на протяжении всей истории древнегреческого языка служило одним из самых употребительных мантических терминов, чье значение не претерпевало изменений ни с течением времени, ни при использовании этого слова в разных литературных жанрах или в эпиграфике. В русской традиции мы переводим его как «оракул», но при этом часто не учитываем, кем был этот оракул для древних эллинов. Эллины верили, что первопророчица Земля (Aesch. Eum. 2) порождает в разных местах вещей духов, которые неизменно пребывают в месте своего рождения и служат, подобно даймонам и керам, для осуществления связи между смертным миром и миром богов. Именно таких вещей духов места и называли «оракулами» (μαντεῖον или χρηστήριον). Все прорицалища, как крупные и знаменитые, так и скромные и малоизвестные, основывались только в тех местах, где незримо обитал оракул. Собственно, именно этим прорицалище отличалось от обычного святилища: в прорицалище присутствовал оракул, и он помогал жрецу или жрице, не имевшим особых экстрасенсорных способностей, вступить в контакт с божеством, а в святилище оракула не было, и, следовательно, невозможно было проводить процедуру вопрошения. При этом каждый оракул находился в подчинении у определенного бога, что позволяло одному богу, особенно Аполлону, иметь много подвластных ему вещей духов места и посылать через них откровения в разных городах Ойкумены [Приходько 1999, с. 218–239].

Заглавие «Гермесов оракул по астрагалам» однозначно говорит о том, что в представлениях жителей Малой Азии при броске астрагалов их падение происходило не по воле случая, а при участии оракула, и этот оракул принадлежал Гермесу и контролировал падение астрагалов в соответствии с его волей. Значит, ни о какой индуктивной мантике речь здесь вообще не идет. Колонна с вырезанным на ней текстом оракула и венчающей ее статуей Гермеса почиталась настоящим прорицалищем под открытым небом, и механизм получения откровений в этом прорицалище признавался таким же, как и в Дельфах, Патарах и других прославленных прорицалищах. В Китанаврах Гермей принял решение устроить в своем родном городе такое прорицалище – возможно, он ездил по делам в соседний Термесс или какой-либо другой город и там увидел, как функционирует подобное святилище, – для того, чтобы особо почтить бога, по имени которого он сам был назван. Полный текст его посвячительной надписи реконструируется так (только без имени отца): «Оракул по астрагалам Гермеса. Гермей, сын Эпи[...], на собственные средства посвятил и Гермеса, и то,

что с ним связано». В этом вступлении обсуждение вызывает выражение τὰ περὶ αὐτόν – буквально «то, что вокруг него». Ф. Граф полагает, что Гермей этим выражением обозначил стол для бросания астрагалов и сосуд с костями [Graf 2005, p. 74]. Однако стол и кости – предметы, чья ценность настолько мала, что было бы странно особо оговаривать их в посвятельной надписи. Под этим выражением Гермей, определенно, имел в виду саму оракульную колонну, на изготовление которой он должен был потратить много сил и средств. Именно поэтому он написал о ней отдельно, желая особо подчеркнуть двойной характер своего дара: он посвятил и статую, и колонну, и каждая из этих двух частей уже сама по себе могла бы стать достойным даром для божества.

Гермес также выступал одним из богов, которым была посвящена оракульная колонна из Перги, пропустив вперед только богов Императоров и особо почитаемую в Перге Артемиду Перганскую: «Гермесов оракул по астрагалам. Богам Императорам, и Артемиде Перганской, и Гермесу, и народу [посвятили] Тит Флавий, вольноотпущенник императора, Онисим...» [Nollé 2007, p. 94]. Видимо, также об установке статуи Гермеса на оракульной колонне говорилось и во вступлении к оракулу из писидийского города Сагаласса. Эта надпись сильно пострадала от времени и реконструируется следующим образом: «Этот оракул по астрагалам и Гермеса на свои собственные средства воздвиг для города [такой-то] и посвятил» [Nollé 2007, p. 55].

Но почему астрагальные оракулы подчинялись Гермесу? Куда был устранин Аполлон, покровитель всего мантического искусства? Аполлон продолжал почитаться основным прорицающим богом и владыкой всей мантики, а Гермес находился в его непосредственном подчинении, о чем свидетельствует начало надписи из Тириея, поселения на землях Бальбур в Кабалиде: создатель или создатели этой колонны предпочли остаться неизвестными и заменили вступление с личной информацией на расширенное заглавие: «Прорицания Аполлона Пифийского посредством пяти астрагалов для Гермеса» [Nollé 2007, p. 51]. Откровения, вырезанные на оракульной колонне, посылались людям Гермесом при посредничестве его оракула, но авторство их принадлежало не Гермесу, а Аполлону, Гермес же довольствовался ролью распорядителя доверенных ему прорицаний.

Подтверждение этой мысли находим и во вступлении к оракулу по семи астрагалам, которое было вырезано на городской стене Термесса (с реконструкцией Р. Хэбердея [ТАМ III.1. 35]): «О служитель муз, бог Гермес, пророк Аполлона, радуйся, красноречивый сын Зевса и Майады, сопроводитель, и мне открой

в пророчествах истинные предопределенные судьбы» [Nollé 2007, p. 213]. Автор этого обращения величает Гермеса пророком, то есть служителем, воплощением воли Аполлона, что опять подчеркивает существовавшую между этими богами субординацию. Также весьма интересно дошедшее до нас, к сожалению, с лакунами вступление к оракулу из Антиохей-у-Крага: «О Гермес, предсказывающий по жребиям, прорицания [...] Аполлон Пифийский, всё дарующий, Делосец, Целитель, Феб, вещей, дай неложное откровение о том, что я замышляю, полезно ли оно и выгоднее ли» [Nollé 2007, p. 194]. Перед нами вновь обращение к обоим богам, но с весьма примечательными эпитетами: Гермес назван *θηρῖος* – «предсказывающим по жребиям», а Аполлон *χρηστήριος* – «оракульным». Этот эпитет Аполлона известен уже с Геродота (VI 80), а эпитет Гермеса связан с парнасскими Фриями, вместе с которыми, согласно гомеровскому гимну к Гермесу (533–566), Гермес получил от Аполлона в свое управление и всю мантику по жребиям. Обратим также внимание и на последние слова этого вступления: авторы вставляют в него привычную формулу вопрошения оракула. При обращении в прорицалища люди обычно спрашивали: будет ли мне, делающему вот это, выгоднее и лучше, – и получали ответ: тебе, делающему это (или не делающему это), будет выгоднее и лучше. Присутствие во вступлении этой формулы лишней раз подчеркивает тот факт, что создатели колонн с астрагальными оракулами признавали их маленькими копиями настоящих прорицалищ, основанными на том же мантическом механизме.

Заключение

Анализ вступлений к астрагальным оракулам показывает, что в представлениях жителей Писидии и соседних с ней областей вырезанный на колонне (или стене) текст оракула по пяти (или семи) астрагалам обеспечивал появление возле этой надписи оракула, вещего духа места, и тем самым колонна с надписью превращалась в прорицалище под открытым небом. Руководил этими оракулами Гермес, выступавший от имени Аполлона. Однако не следует думать, что это направление мантики возникло в Малой Азии вне общего русла мантической традиции. Существование небольших местных прорицалищ под открытым небом с функционировавшими там оракулами засвидетельствовано античными авторами. Павсаний, например, рассказывает об оракуле Деметры в Патрах и об оракуле Аполлона Фирксея возле Кианей в Ликии – в обоих местах оракул обитал в источнике (VII 21, 12–13), или об оракуле

Гермеса в ахейском городе Фарах, где в центре агоры стояла статуя бородатого Гермеса в виде четырехугольной колонны, и благодаря присутствию оракула любой желающий мог совершить определенные ритуальные действия и получить откровение бога (VII 22, 2). Также Павсаний описывает и одно святилище в материковой Греции, где вопрошение бога происходило путем бросания четырех астрагалов. Это прорицалище находилось в пещере возле ахейского города Буры и принадлежало Гераклу (VII 25, 10). Поэтому малоазийские астрагальные оракулы при всей их внешней, казалось бы, независимости и необычности возникли как продолжение и развитие уже существовавшей традиции.

Литература

- Приходько 1999 – *Приходько Е.В.* Двойное сокровище: Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.: Прогресс–Традиция, 1999. 592 с.
- Приходько 2014 – *Приходько Е.В.* Новый поворот в судьбе оракула по астрагалам из деревни Йарыкёй // *Аристей*. 2014. Т. 9. С. 58–95.
- Graf 2005 – *Graf F.* Rolling the dice for an answer // *Mantikê. Studies in ancient divination* / Ed. by S.I. Johnston, P.T. Struck. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 51–97.
- İplikçioğlu 2021 – *İplikçioğlu B.* Die Inschriften von Korydalla // *Tituli Asiae Minoris*. Vol. 2°. *Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti*. Fasc. I. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2021. 113 S.
- Nollé 2007 – *Nollé J.* Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München: Verlag C.H. Beck, 2007. 331 S.
- TAM III.1 – *Tituli Termessi et agri Termessensis* / Enarravit R. Heberdey // *Tituli Asiae Minoris*. Vol. 3: *Tituli Pisidiae linguis Graeca et Latina conscripti*. Fasc. I. Vindobonae: In aedibus Hoelder–Pichler–Tempisky, 1941. 364 p.

References

- Graf, F. (2005), “Rolling the dice for an answer”, in Johnston, S.I. and Struck, P.T., eds., *Mantikê. Studies in ancient divination*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA, pp. 51–97.
- İplikçioğlu, B. (2021), *Die Inschriften von Korydalla*, in *Tituli Asiae Minoris*, vol. 2°, *Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti*, fasc. I, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien, Österreich.
- Nollé, J. (2007), *Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance*, Verlag C.H. Beck, München, Germany.

- Prikhodko, E.V. (1999), *Dvoinoe sokrovishche. Iskustvo proritsaniya Drevnei Gretsii: mantika v terminakh* [Twofold treasure. The art of divination of Ancient Greece: Mantic in terms], Progress–Traditsiya, Moscow, Russia.
- Prikhodko, E.V. (2014), “A new turn in the history of the dice oracle from the village of Yarıköy”, *Aristei*, vol. 9, pp. 58–95.
- TAM III.1 (1941), “Tituli Termessi et agri Termessensis”, in *Tituli Asiae Minoris*, vol. 3: *Tituli Pisidiae linguis Graeca et Latina conscripti*, fasc. I, In aedibus Hoelder–Pichler–Tempsky, Vindobonae, Österreich.

Информация об авторе

Елена В. Приходько, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1; aristonica@list.ru

Information about the author

Elena V. Prikhodko, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; aristonica@list.ru